

Ваше Высокопреосвященство!

Отцы, братья и сёстры!

Без всякого сомнения, среди всех русских миссионеров имя святителя Иннокентия (Вениаминова) сияет, как звезда первой величины. Его по праву называют апостолом Америки и Сибири.

И как представителю Белгородской и Старооскольской епархии, рассказав о некоторых потомках святителя, мне бы хотелось особенно заострить внимание на его духовной связи с нашей, Белгородской землёй. Оказывается, такая связь есть. Она прослеживается через одну из его дочерей — Параскеву — в монашестве Поликсению.

Но обо всём по порядку.

Известно, что во святом крещении будущий великий миссионер был назван Иоанном и на седьмом году жизни, лишившись отца, перешёл под опеку дяди — диакона Димитрия Попова. В девятилетнем возрасте, уже находясь в Иркутской духовной семинарии, он учился сначала под фамилией Попова-Ангинского (от названия села, в котором он родился), а затем за свои личные достоинства и сходство душевных качеств с только что почившим Иркутским владыкой Вениамином ректор предложил молодому семинаристу именоваться Иоанном Вениаминовым.

В двадцатилетнем возрасте, в 1817 году Иоанн Вениаминов вступил в брак, а затем стал священнослужителем. Семья была многодетной. У нее на Аляске в Вениаминовых родилось 8 детей, трое из которых умерли во младенчестве.

Прожив в супружеской жизни 22 года, он в 1839 году овдовел, и с этого времени заботу об оставшихся детях берут на себя высокопоставленные светские и духовные особы Петербурга, а сам протоиерей Иоанн Вениаминов, по благословению митрополита

Автор: Протоиерей Леонид Константинов
03.07.2011 03:01

Филарета (Дроздова) принимает монашеский постриг с именем Иннокентий (в честь Иннокентия Иркутского). Причём его дочери, по высочайшему соизволению, были помещены в институт в Санкт-Петербурге, а сыновья — Гавриил и Иннокентий — в Санкт-Петербургскую духовную семинарию.

Судя по воспоминаниям современников, владыка Иннокентий любил своих детей суровой любовью и никогда не баловал. Об этом лучше всего рассказывают его письма. Вот что он пишет одному из своих сыновей от 22 июня 1843 года: *«Любимый сын мой, Гавриил Иванович! Не ропщи, что у тебя способности не быстрые. Всё, что мы имеем, Господь нам дал. Он знает, для чего и почему тебе не даны отличные способности. Но зато у тебя доброе сердце, а это в тысячу раз лучше способностей ума. Следовательно, Господь не обидел и тебя. Учись лучше молиться Богу, это главнейшая наука... Ты просишь у меня денег. Я бы дал тебе охотно, но гораздо будет лучше, если ты потерпишь нужду. Кто не испытал нужды, тот не может верить нуждающимся и тот худой хозяин, а значит и худой пастырь. Впрочем, на крайние нужды попроси у отца Георгия. Призываю на тебя Божие благословение, отец твой Иннокентий, епископ Камчатский».*

А когда одна из его дочерей вышла замуж за простого и благочестивого человека, Илью Петелина, то владыка сразу же рукоположил его во священника и отправил молодую чету на Камчатку. Здесь потомки святителя стали достойны своего звания. Ими была открыта школа для мальчиков и через её посредство успешно началась евангельская проповедь. Здесь они построили церковь, в которой число пасомых камчадалов увеличилось до 925 душ.

Из воспоминаний митрополита Нестора (Анисимова):

«Я имел счастье лично знать дочь владыки Иннокентия — Екатерину Ивановну Петелину. Будучи ещё мальчиком, я с напряжённым вниманием слушал её рассказы о своём отце, владыке Иннокентии, о его плодотворной архипастырской деятельности на далёких окраинах нашего необъятного государства, в том числе и в Камчатской области».

А вот интересные сведения о внуке святого митрополита, протоиерее Иоанне Гавриловиче Вениаминове.

Он прожил большую жизнь — свыше девяноста лет и умер уже после войны, в 1947 году. До Октябрьского переворота он был настоятелем церкви Святого благоверного князя Александра Невского в Аничковом дворце, и что особенно примечательно и заслуживает внимания — нёс послушание духовника императрицы Марии Феодоровны, супруги Александра Третьего и матери Николая Второго.

Писатель Борейко в своей книге «Постижение экологической теологии» упоминает ещё об одном потомке великого миссионера — праправнуке Иннокентии: *«Недавно, — пишет Борейко, — наш монастырь, расположенный на северных холмах Калифорнии, посетил праправнук митрополита Иннокентия (Вениаминова). Дикая местность, которая окружает наше монастырское жилище отшельников, произвела огромное впечатление на это духовное лицо, который хотя первоначально был хирургом, но недавно стал монахом, а сейчас уже является архимандритом по имени Иннокентий, в честь своего знаменитого родственника. Мы ходили по жарким окрестностям нашей горной местности, и он наблюдал за нашими пернатými соседями, высоко парящими на фоне гор — парой лысых орлов, которые даже в нашей дикой местности не являются очень уж обычным зрелищем. Указывая на их королевский полёт, он интересно рассказывал нам сведения из воспоминаний своего знаменитого прапрадеда, которые передаются и хранятся в его семье, что не было записано биографами. Он услышал это из уст своего деда — иеромонаха Ивана Гавриловича Вениаминова».*

А вот интересные сведения ещё об одной дочери великого миссионера — Фёкле. Она очень любила морские путешествия, что в то время было небезопасно. И любовь эту ей ещё в детстве привил её отец. По этому поводу Вадим Юрьевич Венедиктов в своей работе, посвящённой митрополиту Иннокентию, сообщает следующее: «Отправив свою семью на родину, в Иркутск, и оставив при себе одну лишь пятилетнюю дочку Фёклу, которая и была его спутницей, будущий митрополит в 1838 году отправляется на корабле «Святой Николай» через Тихий и Атлантический океаны к берегам России, в Кронштадт. Переход на паруснике из Новоархангельска в Кронштадт был совершён в рекордно короткий срок — за 7 месяцев и 14 дней».

Это, конечно, трудно себе представить: более полугода маленький ребёнок — девочка — находится среди водной стихии, в постоянных штормах и качке.

Ну, а теперь, пожалуй, о самом главном — о духовной связи святого митрополита с Белгородчиной через другую дочь — Параскеву, в монашестве Поликсению, которая, как известно, была монахиней в Борисовском Богородицко-Тихвинском монастыре.

Историческая справка:

Основание женской обители и первое время её существования

Основание в слободе Борисовке женского монастыря связано с личностью графа Бориса Петровича Шереметева, фельдмаршала Петра Первого. Отправляясь на Полтавское сражение, Борис Петрович дал обет построить в случае победы монастырь и взял с собой глубоко чтимую им Тихвинскую икону Божией Матери, поместив её во время битвы у себя на груди. Предание повествует, что когда Пётр Первый решил дать шведам генеральное сражение, то назначил его на 26 июня — день празднования явления чудотворной Тихвинской иконы Божией Матери. Но благочестивый фельдмаршал упросил государя отсрочить битву на один день, чтобы почтить его приличным празднованием и испросить русскому воинству молитвенный покров и заступничество Божией Матери. Командуя в день сражения центром русской армии, Б.П.Шереметев отличился примерным мужеством, появлялся в самых опасных местах и испытал над собою очевидный знак небесного заступничества — находясь под жесточайшим огнём, граф остался невредимым даже тогда, когда пуля, пробив латы и платье, задела рубашку, проглядывавшую из-под расстёгнутого камзола. После одержания русской армией победы монарх и его полководец, относя её заступлению Богоматери, молебно отпраздновали это событие. Возвращаясь с Полтавской битвы, царь Пётр Первый заехал к своему соратнику и другу в Борисовку, где пробыл у него шесть недель. Здесь-то граф и поведал государю своё сердечное желание построить женскую обитель.

Предание гласит, что сам Пётр Первый выбрал место для будущего монастыря. Обозревая окрестности, он обратил внимание на гору, возвышающуюся над местностью, приказал изготовить большой деревянный крест и собственноручно водрузил его на вершине горы, назначая тем самым место для построения храма во имя Преображения Господня. Главная же церковь, уже по воле графа, была устроена во имя Тихвинской иконы Богородицы, а монастырь получил наименование Богородицко-Тихвинского.

Всякий, кто поднимался на Монастырскую гору, неоспоримо должен признать, что выбор места для обители делает честь вкусу Петра Первого. Гора эта, будучи выше других, стоит отвесно над рекой, возвышаясь над ней, как неприступная скала; она почти отделена от цепи проходящих здесь холмов: с юго-востока обтекает её река Ворскла, на противоположном берегу которой раскинулась Борисовка; на юге, под

горою, простираются далеко вперёд живописные луга, прорезанные ручьями. С запада — другие горы, покрытые лесом; лишь с севера эта гора соединяется небольшим перешейком с грядой холмов, также поросших лесом. Взглянув на нерукотворную картину, открывающуюся взорам с вершины сей горы, напрасно самый взыскательный вкус стал бы искать в окрестностях Борисовки места более удобного и красивого для иноческой обители.

Строительство оной началось в 1710 году, в 1713 году монастырь уже действовал, в нём были кельи и живущие в них монахини, а церковь ещё достраивалась. В следующем году строительство в общих чертах завершилось, о его результатах свидетельствует следующее описание: *«При слободе Борисовке за рекою Ворсклой Тихвинский девичий монастырь, в нём церковь во имя Преображения Господня, с трапезною тёплою, против трапезной чрез сени кухня под одною крышею, крыта дубовою гонтою; другая церковь вновь строится во именование Тихвинской Богородицы. Колокольня на воротах, в ней колоколов шесть, крыта гонтою.*

Оной монастырь огорожен забором, при оном же монастыре монастырской скотной двор, строения одна изба черная с сенми и с коморою и с погребом, да подле того двора комора ж с погребом, в котором ставится монастырской припас...»

Первого января 1714 года Б.П.Шереметев утвердил «Завет или артикул Графа Бориса Петровича Шереметева, как содержать новопостроенную обитель в слободе Борисовке, нарицаемую Пресвятыя Богородицы Тихвинския». Этим документом штат монастыря устанавливался в 12 монахинь и тринадцатой игуменьи. Требовалось, чтобы монахини были грамотны и умели править ту часть церковной службы, к которой допускались женщины. В монастыре должен править службу священник-монах, другие мужчины ни к каким службам не должны допускаться.

«Завет» устанавливал строгие правила поведения монахинь. Для хозяйственного обслуживания монастыря предписывалось назначать шафера (ша-пора — завхоза), воротника, водовоза и пастуха.

Устанавливалось денежное жалованье и продовольственное снабжение, которое должно выдаваться из доходов вотчины. Ежегодно на содержание монахинь выдавалось денежное жалованье: по два рубля в год на каждую (свиная туша тогда стоила 50 коп., баран — 24 коп., четверть (около 130 кг) ржаной муки — около 63 коп.) и

Автор: Протоиерей Леонид Константинов
03.07.2011 03:01

хлеба для продовольствия. Так, в 1768 году монастырю было выдано 20 четвертей ржи, 5 четвертей пшеницы, 5 четвертей пшена и 4 четверти гречихи. Выдавалась также соль по 6 пудов в год, воск на свечи 1 пуд. В два праздничных дня в год монастырю давалось дополнительно хлеба по 1,5-2 четверти для угощения бывавших там богомольцев.

Такова история возникновения этой святой обители.

Известно, что перед принятием монашества Параскева испрашивала у отца не только благословения на такой трудный подвиг, но и совета в выборе монастыря. Она почему-то не хотела подвизаться в столичных. Вот какой ответ даёт ей родной отец.

«Милая Пашенька!

Спасибо тебе за письма твои. Я читал их с удовольствием. Хвалю, благословляю и одобряю твоё намерение идти в монастырь. Ты пишешь, что ты бы хотела идти в монастырь какой-нибудь другой, а не в Петербургский. Монастыри все равны; нет на свете монастыря, в котором бы можно найти спокойствие душевное без молитвы и подвигов. Прекрасно ты говоришь, что ты «хочешь идти в монастырь для спасения души, а не для чего-либо другого» и что ты «желала бы молиться Богу с душою, которая бы могла гореть любовью к Нему». Приятно и утешительно слышать такие речи, если они и не твои, а чужие. Но ещё утешительнее для меня, если ты это говоришь по собственному чувству. Но я скажу тебе, что исполнение этого желания есть верх совершенства христианина, и очень, очень немногие достигают этого. О, если бы ты достигла хотя до половины, даже до сотой доли твоего желания, ты была бы счастливейшая! И если ты постоянно будешь иметь в виду эту цель и молиться усердно, то — верен и силён Бог — достигнешь, непременно достигнешь. Только прежде научись молиться. Ты желаешь со мною свидеться — не знаю, едва ли мы когда увидимся с тобою здесь на земле, да и что в здешнем свидании? Несколько минут радости, а там — равнодушие. Надобно стараться и дай, Господи, нам увидеться там, на небеси! Прощай, моя милая! Господь с тобою. Скажи от меня поклон всем, кто тебя любит.

*Отец твой Иннокентий, епископ Камчатский.
Июля 4-го дня, 1850 года.
Новоархангельск».*

Следующее письмо святителя к дочери Параскеве — только через 5 лет. Он уже архиепископ Камчатский. Она уже на Белгородчине, в Борисовке, но ещё не монахиня (проходит испытательный срок), но выбор монастыря уже совершился. Письмо отца дышит глубокой мудростью.

*«Господь с тобою!
Возлюбленная моя, милая Пашенька!*

Давно я тебе не писал; ну и ты сама тоже давно не писала ко мне. Последнее твоё письмо у меня — от 18 мая. Я не писал, впрочем, потому что я с 31 мая по 26 августа находился в путешествии. Ты пишешь в письме твоём, между прочим, что ты желала бы ещё раз в сей жизни видеться со мною... Что в здешнем свидании! Как бы оно ни было приятно, но должно кончиться, и кончиться навсегда. Заботься лучше и молись, чтобы нам свидеться там — в обителях Отца Небесного, в чертогах Небесного Жениха твоего, Которого ты имела счастье избрать себе. Вот там свидание, точно, вожделенно! Письмо твоё утешает меня в особенности тем, что ты откровенно говоришь о твоих слабостях и грехах: лени и непослушании. Если ты стала замечать их в себе, значит, ты становишься внимательною к себе, а это великая милость Божия. Тебе думается, что ты не спасаешься, — мысль важная! Не иметь её худо, потому что можно впасть в самомнение и тщеславие и, следовательно, погибнуть, даже при некоторых добрых делах; а, с другой стороны, слишком предаваться ей — опять худо, потому что можно впасть в отчаяние. Молись, молись, молись — вот всё, что я могу сказать тебе в отношении этого, и Господь вразумит тебя; а с лению борись, по крайней мере, не поддавайся ей; положенное правило исполняй, хоть и не хочется, но непременно исполняй, а этим мало-помалу будешь одолевать твою лень. Вся задача, весь подвиг твой в том и состоит, чтобы бороться с своими страстями. Борись, помни, что ты в Борисове, следовательно, борись! Позволь себе напомнить: я тебе писал, и уже давно, не угодно ли будет тебе завещанные тебе Оленькою 1000 руб. разделить или, по крайней мере, отделить из сих денег часть для сестры твоей Кати и часть для брата? Но ты мне на это ничего не говоришь. Затем прощай, Господь с тобою! Я, слава Богу, здоров. Матери игуменье поклон от меня.

*Отец твой Иннокентий, архиепископ Камчатский.
Ноября 28-го дня, 1855 года.
Якутск».*

Наконец, третье письмо обращено уже не к Параскеве, а к монахине Поликсении. Написано оно спустя много времени после второго письма, а владыка подписывает его

уже как митрополит Московский.

«Возлюбленная дочь моя, мать Поликсения.

Мир и благословение тебе от Господа нашего Иисуса Христа! Я чуть было не рассердился на тебя за твоё известное тебе письмо к брату твоему. Но теперь, когда я узнал, что ты по любви к твоей второй матери сделала это, я совершенно примирился с тобою. Хвалю и благодарю тебя за такую твою нежную любовь и благодарность к твоей благодетельнице. Тебе больно слышать худые отзывы о ней, ты готова пожертвовать всем для уничтожения худых отзывов о ней — это весьма похвально и вселюбезно. Но знай: чем более ты стала бы жертвовать деньгами, тем сильнее стали бы распространять подобные о ней отзывы. И мало того, и тебя самое причли бы соучастницею с нею. Нет, этим способом не утолить злоречия. Терпение и молитва, и молитва о самых злоречащих — вот лучшее и надежнейшее средство. Но об этом довольно. Говорят, твои кельи лучше келий игуменьи. Если можешь, переменись с нею. Это с твоей стороны будет великая жертва и истинный подвиг монашеский, да притом и дров потребуется менее. Вдруг на это не решайся, дабы после не раскаиваться и не роптать. Я не принуждаю, но только показую тебе добрейший путь смирения. Прощай, Господь с тобою!

*Отец твой, Иннокентий, митрополит Московский.
Ноября 4-го дня 1869 года.
Москва».*

Уже когда великий миссионер служил в сане митрополита в Москве, отец и дочь, очевидно, один раз все-таки встречались. В книге писателя Слесарева о Пресвятой Богородице, напечатанной в издательстве «Ковчег» за двухтысячный год, находится хоть и небольшая, но весьма ценная информация о монахине Поликсении и отце её, прославленном митрополите Иннокентии. Рассказывая о чудесном исцелении 28-летней тульской крестьянки от иконы Божией Матери, автор говорит, что «святитель Иннокентий, митрополит Московский, узнал о чуде от своей дочери — казначеи Борисовской пустыни, монахини Поликсении. На празднике преподобного Сергия он сам встречался с исцелившейся и расспрашивал её обо всех обстоятельствах исцеления. А 26 сентября 1869 года святитель Иннокентий прибыл в Гефсиманский скит и благословил совершить молебное пение перед прославившейся иконой и сам молился со слезами».

Знаменательно, что первое чудо от этой иконы было засвидетельствовано в день церковного Новолетия — 1 сентября 1869 года, когда от полного расслабления, продолжавшегося в течение девяти лет, исцелилась двадцативосьмилетняя крестьянка Тульской губернии Фёкла Адрианова. Прожив в гостинице при пещерах, а потом в лавре до празднования дня преставления преподобного Сергия (25 сентября), Фёкла совершенно выздоровела.

«Бывают странные сближения», — писал когда-то А.С.Пушкин. В новозаветной книге Деяния Апостольские, с которой, собственно, и начинается история Церкви, в конце последней фразы нет слова «Аминь», как в других книгах Нового Завета. Эта святая книга как бы обрывается незаконченной. А это значит, что и история Церкви ещё не закончена. И одним из примеров тому является то, что 11 декабря 1999 при освящении Поклонного Креста и Памятного камня на месте Борисовской Тихвинской женской пустыни архиепископ Белгородский и Старооскольский Иоанн сказал: *«Сегодня в граде Борисовка совершается историческое событие. На месте бывшего женского монастыря, который назывался Борисовской Тихвинской женской пустынь, воздвигается крест в память о тех монахинях, которые здесь молились Богу, обрабатывали поля, трудились, милосердствовали, помогая ближнему. И этот монастырь имел свою историю. Его основанием явилось замечательное событие — победа русского оружия над шведами в Полтавской битве... Поэтому, воздвигая сегодня памятный крест, мы прежде всего, запечатлеваем наше отношение к своему историческому прошлому. Мы напоминаем, что наша Отчизна имела великую историю, исполненную духом Православия, духом любви к Богу, ближним и Отчизне... Это великое событие — хотя, на первый взгляд, совершается так скромно и спокойно. Но всё великое — в малом. Со временем Господь благословит это место и всех живущих во граде Борисовка особой благодатью!»*

А это значит, что история Церкви не заканчивается. История — продолжается...

2008 г.